

ДИАЛОГ НАУКИ И РЕЛИГИИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ А. Ф. ЛОСЕВА

1. ПРАВОСЛАВИЕ И НАУКА

Под наукой обычно понимают совокупность утверждений относительно фактов, имеющих место в мире, отвечающих требованиям формальной непротиворечивости, статистичности, воспроизводимости, естественности, причинно-следственной связности, опытной проверяемости, интересубъективности. Принято считать, что наука способствует разрушению традиционных религиозных представлений, кризису религиозного мировоззрения. К XX веку стало ясно, что позитивистские утверждения о науке, например, о ее всемогущести, нуждаются в уточнении. Религиозный философ А. Ф. Лосев внес свой вклад в осмысление феномена науки, показал, что процесс научного познания и путь духовного восхождения неотрывны от культурно-исторической практики, истина едина, науку отличает особый способ освоения субъектом истины, который не противостоит религиозному развитию человеческой личности. Хотя в последние триста лет религия и наука принадлежат различным мировоззрениям (порождены различными мифами – в терминологии Лосева), это не фатальное свойство умственных и душевных способностей человека.

Суть взаимоотношений между православием и наукой, как она представлялась религиозным философам Серебряного века (к которым можно отнести и А. Ф. Лосева) хорошо выразил Л. П. Карсавин: наука должна строиться на началах христианской религии, поскольку последняя обладает абсолютной истиной. Но внешнего

подчинения науки религии следует избегать: наука должна свободно воцерковиться, то есть свободно искать себе абсолютного обоснования и свободно исправлять свои ошибки.¹

Конфликт христианской веры и науки вовсе не является неизбежным, потому что христианство создало предпосылки для появления научной картины мира. Предпосылкой становления науки, заложенной в христианстве, является также полное доверие к божественному творению мира и человека, которое означает твердое убеждение в единстве субъективного и объективного. Мир воспринимается рационально организованным, как отблеск рационального бога. Наука развивается из рационалистических традиций средневековой жизни, основанных на христиански-платонической идее предуготовленности человека к адекватному познанию действительности (человек – «духовное подобие бога»). Считается, что Бог сотворил мир упорядоченным образом; следовательно, мир познаваем. В науку органически влились античный рационализм и христианский аскетизм. Учеными руководила вера в то, что человеку дана власть над Землей, чтобы он подчинил ее себе. Поэтому люди могут создавать технологии, не классифицируя это как насилие над Божьим миром. Понимание природы лишь как совокупности механических законов, исключало идолопоклонство. Тем самым христианство отчасти способствовало появлению механицизма, лежащего в основе новоевропейской научной парадигмы. Каким образом стала возможна конфронтация науки и религии и как возможно ее прекращение? Ответы на эти вопросы мы можем найти в творческом наследии А. Ф. Лосева, который обосновывает новый способ взаимоотношений религии и науки.

Христианское миропонимание присутствует в историко-философских исследованиях Лосева как ценностный ориентир, точка отсчета для характеристики культурно-исторических эпох², а также как самостоятельный предмет его философско-богословской рефлексии.

Лосева волновала проблема цельного, гармоничного видения мира, единого языка Бытия. «Современность возжаждала синтеза более, чем всякая другая эпоха», – писал Лосев в своей ранней

¹ Карсавин Л. П. Апологетический этюд // Путь. – 1926. – № 3. – С. 23.

² Античность для него – та эпоха, где истина «впервые сознавалась и слышалась из глубин человеческого духа» («Эрос у Платона»)

работе «Эрос у Платона» (1916)³. Огромную ценность, на наш взгляд, представляют его наблюдения над теми процессами, которые совершаются в научном сознании в первой половине XX века и, по его мнению, готовят возможность плодотворного синтеза религиозной веры и научного мировоззрения.

Исходной интуицией Лосева, которой он руководствовался во всех своих размышлениях, была интуиция всеединства. Диалектика потому и выделяется из всех методов, что дает возможность «охватить живую действительность в целом». «Это изначальное восприятие действительности, как «целого», само по себе не выводимо из «феноменологической редукции»,.. не выводится из диалектики, а наоборот. Сама диалектика возможна только при предположении «смысловой взаимосвязанности и самопорождаемости»⁴. Второй исходной интуицией Лосева, также носящей характер метафизического утверждения и углубляющая первую, является апофатика. В своем анализе космоса он опирался на эти две аксиомы. Ему казалось ясным, что современная наука, радикально изменившая взгляды на вещи и отказавшаяся от догматизма, приходит к этим предположениям.

2. НАУКА И РЕЛИГИЯ – ДИАЛОГ ИЛИ КОНФРОНТАЦИЯ?

Анализ понятия наука встречается во многих работах Лосева: «Этика как наука» (1912), «Античный космос и современная наука» (1925), «Диалектика мифа» (1927) и др. Науку и богословие («религиозную науку») Лосев иронично называет «хлопоты субъекта по отысканию законов случайного бытия»⁵. Из этого вовсе не следует отрицание значимости и необходимости наличия науки в культуре. Это означает только, что Лосев против абсолютизации человеческих знаний о мире. Чтение работ Лосева помогает осознать отличие научной теории от попыток ее превращения в униве-

³ Лосев А. Ф. Эрос у Платона – Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. – С. 32.

⁴ Зеньковский В. В. История русской философии. – СПб., 1991. – Т. 2, ч. 2. С. 137.

⁵ Лосев А. Ф. Диалектика мифа – Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М., 1990. – С. 573.

рмальную схему объяснения действительности или всеобъемлющее мировоззрение.

В своем анализе науки, осуществленном в «АКСН», «Диалектика мифа», Лосев рассматривает ее как историческую структуру, сложившуюся в определенной социокультурной ситуации в XVI – XVII вв. и претерпевавшую серьезные изменения в XX в. Главным образом, он анализирует границы науки в период становления Нового времени и в период наметившегося выхода из него. Как когнитивная система наука имеет относительные границы (познанное – непознанное) и абсолютные границы (познаваемое – непознаваемое). Это – ее внутренние границы. Как социокультурный институт, наука граничит с другими сферами культуры (религией, политикой, моралью и т. д.). Это – ее внешние границы. Лосев был одним из первых философов, поставивших этот вопрос в отечественной культуре, опередив знаменитых философов науки XX века (Поппер, Фейерабенд, Кун, Хьюбнер). Вопрос о границах науки выступает у него как глубокий философский вопрос.

Лосев проводит мысль, что элемент иррациональной веры органически присущ человеческому мировосприятию. Чтобы понять его отдельные идеи, важно представлять систему Лосева целиком, знать целое, определяющее отдельные построения. Это целое – религиозная позиция, связанная с теоретическим обоснованием православных догматов, главным образом, имяславия.

В своих исследованиях Лосев различает «чистую науку» и реальную науку. Под первой он понимает сумму определенных смысловых закономерностей, отвлеченное, вневременное и внепространственное построение, отличая ее от реальной науки, которая всегда исторична, идеологична, зависит от фактической обстановки.

С точки зрения Лосева, главный признак, отличающий науку от религии – отношение к жизни, участие личности в этой жизни. Наука вырастает на некоторых специальных изолированных функциях духа. Религия есть бытие синтетическое, а не изолированно-абстрактное самоутверждение личности. «Реализм», «жизненность», «практика» – чисто религиозные категории. Религиозный человек хочет утверждаться только на подлинно-реальном бытии, только на жизненном опыте, ему запрещено быть только теоретиком, пре-

небрегая жизненным осуществлением его идеалов. Основная цель религии – преобразование личности, поэтому личная причастность имеет большее значение для религии. Наука – «отвлеченная копия и аналитически продуманная картина законченного и механического мира»⁶, а религия – сфера внутреннего бытия, ее интересует личностный смысл.

Надо отметить, что Лосев отвергает легкие способы разрешения противоречий между религией и наукой, как-то:

- Наука рассматривает мир объективно, религия – субъективно.
- По мере накопления научных знаний о мире значение религии будет уменьшаться.
- Основа религии не разум, а вера, стало быть, научные заключения о мире не имеют религиозного значения.

В своих работах Лосев показывает, что действительное положение дел гораздо сложнее. Он ищет новую модель взаимоотношений науки и религии, для чего разоблачает накопившиеся предрассудки.

Лосев убежден, что все мировоззренческие убеждения человечества мифологичны, упираются в веру, в первичную интуицию бытия. «Все на свете есть миф». Каждая мифология (система убеждений, не нуждающихся в доказательствах) стремится охватить всю действительность. Свою критику сциентизма Лосев строит на демонстрации того, что наука никогда не была свободна от идеологических требований. Это дало ему возможность устранить разрыв между религией и наукой, который возник из-за того, что преувеличивали безличную, объективную сторону науки и личную причастность, составляющую суть религии.

Наука и религия претендуют на описание реальности, находящейся за пределами человеческого мира. Но они описывают ее разными языками. Следует стремиться к связанной интерпретации всего опыта, что побуждает искать единый взгляд на мир. С точки зрения Лосева, человек сначала ощущает жизнь в ее целостности и связности.

⁶ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993. – С. 103.

Взгляды Лосева на взаимоотношения науки и религии можно рассматривать как модель диалога. С его точки зрения, происходящее в научном сознании в начале XX века, готовит возможность плодотворного сотрудничества религиозной веры и научного мировоззрения с целью восстановления равновесия между человеком и природой, между рациональным и духовным измерениями человека. Он пытался найти теоретическую модель, способную стимулировать диалог религии и науки.

Соображения Лосева о границах власти человеческого разума, об опасностях гносеологического конструктивизма и прожектерства, приводящих к социальному утопизму, нуждаются в отдельном исследовании. Если признать существование двух фундаментальных интересов разума (по Канту) – 1) интереса так понимать мир, чтобы чувствовать себя частицей природы, а мир – своей родиной и 2) интереса самоутвердиться путем господства над природой, то очевидно Лосев принимает первый вариант. Второй же склонен считать «антропологической гордыней», в преодоление которой вносит свой вклад, потому что подрывает основание бесконечной гордости новоевропейским человеком собой – научный разум с его техногенной активностью, преобразующей мир. Поскольку кругом человека окружает мифологическое отношение к вещам, «дело не может ограничиться одними идеальными понятиями»⁷. Невозможна тотальная рационализация. Наука имеет внешние границы.

Критика Лосевым новоевропейской модели науки имеет современное звучание. Речь идет о роли, месте, ответственности науки в современном мире. Несмотря на огромные успехи в улучшении материальных условий жизни на Земле, научные революции, имеющие место на протяжении последних четырех веков, привели к утрате равновесия в отношении человека с природой. Техногенная цивилизация привела человечество к порогу самоуничтожения. В связи с этим остро стоит проблема статуса науки в культуре, возникают сомнения в самооценности науки, возникает проблема поиска нового пути цивилизационного развития.

Напомним, что главный недостаток новоевропейской науки, по мнению русских религиозных философов, в том числе и Лосева,

⁷ Лосев А. Ф. Диалектика мифа – Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М., 1990. – С. 400.

заключается в том, что она «разрушила космос и создала представление о мире, как хаосе слепых и мертвых сил и тем утвердила в душе религиозного человека нового времени мучительную двойственность между религиозной верой и научным сознанием»⁸. Новые факты приводят к переосмыслению сложившихся стереотипов мышления.

3. ДИАЛОГ НАУКИ И РЕЛИГИИ В СВЕТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ.

С позиций науки XX века мир стал настолько взаимозависимым, что «представляется тканью, сотканной непрерывностью взаимодействующих процессов, где ни космос, ни природа, ни человек, ни любое иное сущее не обладают фундаментальными сущностными характеристиками, не зависящими одна от другой... Истоки представления, которое мы строим о себе, природе и космосе, заключены в структурных составляющих вещей и материи. Значит, акты сознания и материя находятся в тесной и неразрывной связи»⁹.

Лосев устанавливает аналогии между новейшими научными теориями и учениями античной физики. Аналогия просматривается именно в XX веке, потому что никогда прежде наука не переживала столь острый кризис и смену физического мирозерцания, спор о фундаментальных понятиях никогда не был столь актуальным. Обосновывая тождество философии и математики, «отец Павел приходит к тому же универсализму и синтезу, который был в античности, но только на новых основаниях, на новейших математических достижениях»¹⁰. В связи с этим Лосев считал исследования античного космоса своевременными и практичными. Эти исследования могут способствовать восстановлению утраченного новоевропейской наукой образа вселенной.

В своих ранних работах Лосев у античных мыслителей обнаруживает правильный, с его точки зрения, подход к трактовке

⁸ Франк С. Л. Наука в современном сознании// Путь. – 1926. – № 4. – С. 116.

⁹ Фарах Сухейль. Религиозный феномен и современная наука// Вопросы философии. – 2002. – № 2. – С. 170.

¹⁰ П. А. Флоренский по воспоминаниям Алексея Лосева// Контекст. Литературно-теоретические исследования 1990. – М., 1990. – С. 12.

соотношения человека и Космоса, изучения сознания и изучения Вселенной, бытия и мышления. Главным здесь является положение, что изучение сознания, и изучение Вселенной неразрывно связаны друг с другом. «Мир и человеческое «я» есть один мировой процесс, бесконечно эволюционирующий. Человек – та часть этого процесса, которая познает самого себя. Так как человек – часть мирового процесса, то он – носитель законов этого процесса. Так как он существо с самопознающей душой, то он еще и создает эти законы. Так как, наконец, мысли и весь человек невозможны без эволюции, ибо жизнь есть движение..., то познание этих законов мирового процесса совершается постепенно, путем медленной эволюции в самопознании», – отмечал Лосев в работе «Этика как наука»¹¹.

Лосев видит достоинство античной науки в том, что она представила космос, как божественное единство и божественную гармонию мирового бытия, и на этом общем сознании утвердила познание отдельных закономерностей мировых явлений. «На самом деле есть единое, единственное Бытие, окружающий нас мистически-символически-мифологический мир, и нет никакого иного Бытия или иного мира. Но методы их рассмотрения – разные. Один рассматривает части мировой картины и связывает их в целое. Другой не хочет знать никаких частей, рассматривает мир в его сущности...»¹². Причем, Лосев отмечает, что в древних теориях мира нельзя видеть только научные методы и их несовершенство. «Греческой мысли...противоречит та условная, отвлеченная, отъединено и внежизненно созерцаемая система схем и методов, которая именуется у нас наукой»¹³. Эмпирические наблюдения, сделанные греками и ценные с нашей точки зрения, имели религиозный, мистический, философский смысл, но не смысл «закона природы», отвлеченно усвоенного и «эмпирически» найденного. Таким образом, по мнению Лосева, древнегреческое мышление, принимаемое им за образец, не сводится ни только к науке, ни только к религии.

Неклассическая наука, по мнению Лосева, способствует формированию нового взгляда на мир. Он начинает раскрываться

¹¹ Лосев А. Ф. Этика как наука//<http://courier.com.ru/humanities/html/751.htm>.

¹² Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993. – С. 113.

¹³ Там же. С. 101.

как таинственный, полный живых сил космос, наводящий человека на мысль об его Божественном Творце. Природа, описываемая классической физикой – «без цвета, без запаха, глупая штука» (Уайтхед), радикально изменилась. И в этом огромная заслуга А. Эйнштейна. «Перед нами вселенная, в которой мы только начинаем различать новые структуры. Мы открываем для себя волшебный мир, такой же удивительный и новый, как в откровениях детства... С Эйнштейном мы начинаем понимать наше единство с космосом, эволюция которого включает условия, делающие саму жизнь возможной». ¹⁴ «Законы Ньютона были универсальны, поскольку они не различали медленное и быстрое, легкое и тяжелое; но универсальные постоянные (скорость света c , константы Больцмана k , константы Планка h и гравитационная постоянная – Е. П.) порождают такие различия: c позволяет нам отличать медленное от быстрого, h – тяжелое от легкого. Вместо единой структуры всех физических объектов мы обнаруживаем теперь множественность структуры» ¹⁵.

В работе «Античный космос и современная наука» Лосев ставит перед собой задачу «синтезировать отвлеченную диалектику и физическое миропонимание – так, как это было в греческом миропонимании» ¹⁶

Если мы сумеем отделить диалектику от мифа, науку от верований, то многое извлечем из античной диалектики, сумеем применить ее к нашему опыту и миропониманию. Дать диалектику античного космоса, значит выяснить три категории – имя, число, вещь. Потому что космос есть «вещь, устроенная числом и явленная в своем имени» ¹⁷. Диалектика потому так важна, что позволяет логически построить все бытие, смысловую связь всего со всем, в том числе и смысловую связь человеческой мысли с окружающим ее бесконечным бытием. Поскольку диалектика занимается логическим конструированием предмета, она схожа с наукой. Лосева упрекают в рационализме, на что он отвечает: «Подчинившись факту,

¹⁴ Пригожин И. Эйнштейн: триумфы и коллизии//Эйнштейновский сборник, 1978-1979: Сб. статей. – М.: Наука, 1983. – С. 122.

¹⁵ Там же. С. 121.

¹⁶ Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука//Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. – М., 1993. – С. 198.

¹⁷ Там же. С. 67.

вы умалили самостоятельную смысловую стихию разума и не дали ему развернуть все таящиеся в нем возможности. Надо сначала дать систему самообосновывающихся эйдосов диалектики, необходимую для мышления вообще, а потом уже, в связи с теми или иными фактами...нанизывать на полученный скелет диалектики живое тело фактов и цельной действительности»¹⁸. Эйдос – «цельный смысловой лик вещи», «в вещи нет ничего, кроме эйдоса». Эйдос – это бытие, основанное на самом себе. «Надо его увидеть, и это будет единственным доказательством его истинности»¹⁹. В отличие от мифологии, диалектика берет во внимание не вещь целиком, а только ее эйдетический скелет, ее логические и категориальные «скрепы». Эйдосы находятся в умном мире, отличном от чувственного мира и предшествующего ему. Совокупность всех эйдосов есть перво-зданная сущность. «Будучи погружена в меон, (она) необходимым образом является строжайше определенной и ограниченной величиной. Мир – совершенно определенная, счислимая величина»²⁰. «Новая наука (новоевропейская – Е. П.), отрицая эйдосы и самостоятельное бытие смысла и в то же время находясь под абсолютным требованием разума мыслить вечно-неподвижное и вечно-постоянное перенесла это вечное и неизменное на химические элементы... в результате эйдосы стали представлять в виде физических вещей или в виде психических процессов и их законов – в спиритуализме»²¹. Таким образом, по Лосеву нарушили правила диалектики: нельзя допускать движения и овеществления смысла и нельзя логифицировать факт, уничтожая жизнь. Нарушение этих правил ведет к натурализму и формалистической метафизике (Кант в трактовке Лосева – это натуралистическая метафизика).

Попробуем понять, почему диалектическую философию, по Лосеву, отличает «интимно-жизненное отношение к вещи». Лосев считает устаревшим недооценку мифа у Платона, призывая видеть существенную связь мифа с диалектикой. Древние орфические космогонии – лоно диалектики. О Пифагоре встречаем следующее: «Вся эта мистика чувственных эйдосов, понимаемых как числа,

¹⁸ Там же. С. 74.

¹⁹ Там же. С. 69, 71.

²⁰ Там же. С. 280.

²¹ Там же. С. 223.

не есть нечто отсталое и требующее преодоления. Нет, дальнейшее развитие пифагорейства и платонизма только дифференцировало эту густую и сочную мистику чисел в понятиях, вырабатывая из нее диалектику, но сама диалектика... требует полноты и нетронутости мистических созерцаний»²². Звездное небо потому наполняет душу глубоким, чистым и благородным чувством, что звезды – «умные силы и воинства небесные, сияющие из чистого хрустального Неба на грешную и темную Землю»²³.

С диалектической точки зрения новейшие научные открытия, например, открытие делимости атома, современные учения об электромагнитном поле являются вполне закономерными. Воскрешать платонизм в физике – значит принять, что физические элементы и их качества, вообще материя «определены эйдосами и числами» (Платон. Тимей. 53в). В итоге новейших открытий современной физики стало возможным утверждать о том, что материя таит в себе некую нематериальную сущность. Атомы и другие частицы вещества – виды энергии, находящиеся в постоянном движении и не имеющие самостоятельного существования.

На мой взгляд, проблема представления «мира в целом», выработка современной наукой нового образа мира обсуждается у Лосева в контексте антропологического дискурса, сосредоточенного на заботе об экзистенциальном статусе человеческого бытия во Вселенной. Лосев признается в ужасе, который охватывает его при чтении учебников по астрономии. «Механика Ньютона построена на относительности и нигилизме, при котором нет ничего абсолютного ни в чем, и все растекается и рассыпается в бесконечное число друг другу враждебных и уходящих в бездну нигилизма жалких монад». Теория относительности «ценит каждый индивидуум и спасает его, давая ему абсолютное место»²⁴. В определенном смысле «неклассическая наука XX в. – это ответ на адресованный нашему столетию вопрос XIX в. о такой рационалистической структуре бытия и познания, которая не игнорировала бы судьбы человека и была бы в этом смысле гуманистической».²⁵

²² Там же. С. 83.

²³ Там же. С. 479.

²⁴ Там же. С. 498.

²⁵ Кузнецов Б. Г. Этюды о метанауке. – М.: Наука, – 1982. – С. 130.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы, связанные с взаимоотношением религии и науки, сложны и многогранны. В своей статье мы, не претендуя на полноту освещения всей этой проблемы, проанализировали позицию русского религиозного философа А.Ф. Лосева в отношении диалога религии и науки.

Осуществленные Лосевым сравнительный анализ античной и современной космологии, попытка проанализировать общую историю науки, охватывающую ее эволюцию от генезиса до современных тенденций, остаются актуальными для понимания своеобразия современной социокультурной ситуации, связанной с расширением сферы влияния науки.

Лосев выступает против превращения научной теории в универсальную схему объяснения действительности или всеобъемлющее мировоззрение. В принципе, в этом вопросе Лосев солидарен с неокантианством, запрещающим науке ставить вопрос об абсолютном бытии. Всякий научный закон – только гипотеза, наука по сути своей гипотетична и функциональна. Раскрывая сущность «чистой науки», указывая ее назначение и границы, Лосев способствует правильному пониманию различий науки и религии, что является необходимым условием диалога ученых и богословов.

Лосев показывает, что изоляция науки от религии ведет к господству «отвлеченных начал», к разрушению целостности видения человека и мира. Антропологический и культурный кризис порождает не рациональная познавательная деятельность, а отказ ученого признавать глубинный смысл тварного бытия. По его мнению, для человеческого ума крайне важно различать небо физическое от иноприродного неба, сущность отличать от энергии.

Естественнонаучная модель рациональности – не единственная ее форма. Рациональность определяется тем, как человек обрабатывает поступающую к нему информацию, а не тем, из какого источника она поступает. Законы рациональности едины и для представителей церкви, и для ученых.

Православие Лосева носит открытый характер. С его точки зрения предание подлежит рациональному осмыслению и творческому развитию. Лосев предлагает рациональные процедуры к анализу

православного предания (в работе «Абсолютная диалектика = абсолютная мифология»). Он решается развивать догматику, вводя в христианскую Троицу четвертое начало – софийное, которое, по его мнению, осуществляет первые три. Лосева не смущает отсутствие в патристике специального учения о Софии. «Учение, которое мы находим в догмате, сформулировано слишком суммарно и цельно; тут сразу дана почти без всякого расчленения и смысловая, и софийная, и даже ономатическая характеристика. Потому, мы, задаваясь целями диалектического анализа, имеем полное право находить более детальные моменты, входящие в эту слишком общую формулу»²⁶. Софийность в Боге – это момент субстанциальности, который присутствует в нем наравне со смысловым моментом. «Кто отрицает софийность в Божестве, тот вообще отрицает божество как субстанцию, как реальность»²⁷, сводит Бога к идеально-мысленному бытию.

Проделанный нами анализ позволяет признать справедливость оценки С. Земляного: «...За вычетом Флоренского никто не сделал более Лосева для налаживания обоюднородного диалога между православной мыслью и современной наукой. Лосев прорвал многовековую (само) изоляцию этой мысли, усвоил ее представления и концепции, разверзшие совершенно новые мыслительные перспективы»²⁸.

Можно ли упрекнуть Лосева в религиозной идеологизации науки? В своих рассуждениях на темы теории относительности он опирался на Флоренского, главным образом, на его работу «Мнимость в геометрии». Все там изложенное напоминает доказательство бытия Бога в свете данных естественных наук. Подобное использование науки для защиты религии, по крайней мере, существования трансцендентного мира, не пристало глубокому религиозному мыслителю. Пытаясь доказать правоту Платона, Аристотеля и отцов церкви, находя в теории относительности пересказ в физических терминах мира идей, чистых форм и «воинства небесного», попадают под определение ереси, сформулированное Тридентским собором: «Кто скажет, что согласие на христианскую веру не свободно, а с необходимостью вызывается

²⁶ Лосев А. Ф. Абсолютная диалектика = абсолютная мифология// Начала. – 1994. – № 1. – С. 18.

²⁷ Там же. С. 19

²⁸ Земляной С. От систематики имяславия к эстетике язычества// «Ex Libris НГ», электронная версия приложения к «НГ». Номер 003 (24) от 29 января 1998 г. Полоса 4.

доводами человеческого разума, да будет анафема!» Но: «Кто скажет, что человеческий разум настолько независим, что не может ему быть от Бога повеления верить, да будет анафема!»²⁹

От обвинений в магии (попытка определить законы духовного мира и через знание этих законов, включая себя в ассоциативные символы, числа, имена, иметь возможность воздействовать на духовный мир) Лосева спасает только его вторая исходная интуиция – апофатика. Любое знание дано нам, по Лосеву, *sub specie aeternitatis*. «То знание и есть наука, в котором существует непонятная нам иррациональная часть, служащая предметом наших изысканий. А что без тайн, что все понятно, то не есть настоящая наука»³⁰. Диалектика у него не претендует на абсолютное значение. «Апофатическая неисповедимость и энергичная, явленная именуемость – необходимые диалектические коррективы ко всей нашей системе; и без них вся эта система цепенеет и умирает в оковах мертвого рационализма»³¹.

В восприятии Лосева христианство, в частности христианское учение о триединстве, – простая, конкретная и очевидная жизненная установка. Под той сложной диалектической системой, которую он разворачивает в своих работах, кроется так воспринятое христианство. Понятен жизненный исток его софиологии, стремящейся преодолеть «метафизический изолюционизм, желающий отделить Творца от творения, творение от Творца, а нас – от Творца, от Космоса и друг от друга»³². «Мистическая концепция «Софии» содержит в себе как открытость творений перед Творцом, так и милость Творца к Своему творению, но и то, и другое – как единую и уникальную Тайну»³³.

Мудрость удерживала его сознание от посягательства на то, что сознанию неподвластно. Неконтролируемый, самодовольный рационализм, с его точки зрения, предаёт забвению все иные способы постижения бытия и пребывания в нем.

²⁹ <http://www.kuraev.ru/vera.html#209>

³⁰ Лосев А. Ф. Этика как наука// <http://courier.com.ru/humanities/html/751.htm>.

³¹ Лосев А. Ф. Абсолютная диалектика = абсолютная мифология// Начала. 1994. – № 1.-С. 30.

³² Аверинцев С. С. Софиология и мариология: предварительные замечания//Аверинцев С. С. София-Логос. К. 2001. С. 252.

³³ Аверинцев С. С. Концепция Софии и смысл иконы//София-Логос. Словарь. К. 2001. С. 8.